# Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 16-го АПРѢЛЯ 1895 ГОДА.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1895 г. по 10 к. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 16.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
„ два раза 15 „
„ три раза 20 „


## СОДЕРЖАНІЕ № 16.



## Мѣстныя распоряженія.

— 10 апрѣля **уволенъ заштатъ**, согласно прошенію, по преклонности лѣтъ, настоятель Зубачской св.-Покровской церкви, Брестскаго уѣзда, Протоіерей *Іоаннъ Красковскій*.

— 12 апрѣля свободное мѣсто священника при Лясковичской церкви, Кобринскаго уѣзда, предоставлено псаломщику Городиловской церкви, Ошмянскаго уѣзда, *Виктору Савичу*.

*(Къ исполненію).*

Изъ поступающихъ прошеній **о разрѣшеніи браковъ въ родствѣ** Его Преосвященствомъ усмотрѣно, что нѣкоторые священники не умѣютъ надлежаще вычислять степени родства. Находя весьма полезною, для устраненія этого недостатка, и въ руководство пастырямъ книгу „О родствѣ и свойствѣ", составленную г. Оберъ-Секретаремъ Святѣйшаго Синода г. С. Григоровскимъ, Преосвященнѣйшій Іеронимъ, Епископъ Литовскій и Виленскій, отъ 28 февраля 1895 года за № 699, предложилъ Консисторіи сдѣлать распоряженіе о пріобрѣтеніи этой книги отъ автора, для всѣхъ приходскихъ церквей Литовской епархіи.

Литовская Консисторія, печатая это предложеніе въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, присовокупляетъ, что вмѣстѣ съ симъ изъ Консисторіи высланы автору адресы всѣхъ благочинныхъ съ указаніемъ необходимаго количества экземпляровъ для каждаго благочинія, по числу церквей, и съ увѣдомленіемъ, что, по полученіи книгъ, благочинные немедленно, *непосредственно отъ себя*, вышлютъ стоимость книгъ.

## Мѣстныя извѣстія.

— **Святотатство.** 24 марта, послѣ всенощнаго бдѣнія въ Виленскомъ Каедральномъ соборѣ, неизвѣстнымъ злодѣемъ похищена складная икона, съ изображеніемъ Знаменія Божіей Матери, Архистратига Михаила и св. Николая Чудотворца, въ серебряныхъ позолоченныхъ ризахъ съ такимъ же сіяніемъ, вмѣстѣ съ золотымъ крестикомъ.

— 1 апрѣля **скончался** Іеромонахъ Пожайскаго монастыря *Тихонъ* (Мироновскій) 67 лѣтъ.

— 13 сего апрѣля скончался на 80-мъ году жизни заштатный съ 1888 года священникъ Тевельской церкви *Іосифъ Саковичъ*.

— **Архіерейскія служенія.** 9 сего апрѣля, Преосвященнѣйшій Іеронимъ, Епископъ Литовскій и Виленскій, совершилъ Божественную литургію въ Свято-Духовомъ монастырѣ, въ сослуженіи братіи монастыря. Проповѣдь сказалъ прот. Климентъ Смольскій. Послѣ литургіи раздавался св. Артосъ народу.

— 13 Апрѣля, послѣ общагоэкстреннаго собранія Виленскаго св.-Духовск. братства въ залѣ Архіерейскаго дома, въ 12 ч. дня, въ Крестовой церкви совершенъ былъ Его Преосвященствомъ, въ сослуженіи братчиковъ благодарственный Господу Богу молебенъ по случаю принятія подъ Высочайшее Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительство Виленскаго Православнаго Св.-Духовскаго братства.

— Того-же числа въ 6 ч. вечера Его Преосвященство совершилъ, въ св.-Духовомъ монастырѣ, по случаю храмового праздника въ честь свв. Виленскихъ Мучениковъ, всенощное бдѣніе съ чтеніемъ акаѳиста, а

— 13 числа, въ самый праздникъ, Божественную литургію и молебенъ Святымъ, въ сослуженіи Виленскаго духовенства. Проповѣдь сказалъ прот. Іоаннъ Котовичъ. На Богослуженіи присутствовали; г. начальникъ края съ супругою, г-нъ командующій войсками Виленскаго военнаго округа В. Н. Троцкій, г. Виленскій губернаторъ съ супругою, г. управляющій Виленскимъ учебнымъ округомъ, предсѣдатели Виленской судебной палаты и Виленскаго окружнаго суда, всѣ воспитанницы и воспитанники духов. учеб. заведеній и множество богомольцевъ; воспитанники очень дружно и хорошо исполнили церковное пѣніе.

— **Вакансіи: Священниковъ:** въ с. *Ковнатовѣ* (13) Тельшевскаго уѣзда; при Островской церкви (9) Сокольскаго уѣзда; въ с. *Юдицинѣ* (8) — Дисненскаго уѣзда; въ с. *Роговѣ* (2) Вилейскаго уѣзда; въ с. *Ногородовичахъ* (3)—Слонимскаго уѣзда. въ с. Телятичахъ (1) Брестскаго уѣзда. **Псаломщиковъ:** въ с. *Ковнатовѣ* (13) Тельшевскаго уѣзда; въ селѣ *Камень-Шляхетскѣ* (5) Кобринскаго уѣзда; въ с. *Носиловѣ* (5) Вилейскаго уѣзда; въ м. *Щучинѣ* (3) Лидскаго у., и въ с. Городиловѣ (1) Ошмянскаго у.

## Неоффиціальный отдѣлъ.

# Воскресеніе Христово.

### (Мысли и чувства на Великій день Пасхи).

*Христосъ Воскресе!!..*

....... Чудныя слова! Какъ необыкновенно и какъ сильно они дѣйствуютъ на каждаго изъ насъ!—Христосъ воскресе!.. воскликнешь, и сразу зарождаются особенныя мысли, вспыхнутъ необыкновенно радостныя чувства и желанія; сразу всплывутъ пріятныя воспоминанія и промелькнутъ въ головѣ тѣ дорогіе сердцу дни съ своеобразнымъ неописуемымъ оттѣнкомъ пасхальной радости, которые съ дѣтства напечатлѣваются въ душѣ и оставляютъ въ ней неизгладимый слѣдъ необыкновенно радостнаго, пріятнаго, благороднаго, возвышеннаго.... Знаменательныя слова! Не много ихъ, но какъ многое они содержатъ въ себѣ, какъ много и о многомъ говорятъ они нашему уму и сердцу. Въ нихъ и чрезъ нихъ открывается великая тайна домостроительства Божія и проясняется все дѣло нашего спасенія. Слова „Христосъ воскресе“ заключаютъ и раскрываютъ цѣлую исторію міровой жизни; они проливаютъ свѣтъ на всю жизнь народовъ — прошедшую, настоящую и будущую и, проникая въ нее своею благодатною силою, даютъ всей этой жизни и существованіе и смыслъ. Воскресеніе Христово это такой фактъ (явленіе) въ духовномъ мірѣ, который „якоже солнце“ (Нед. Ѳом. 2 стих. 1 п. кан.), какъ необыкновенное свѣтило ярко озаряетъ непроглядную тьму вселенной и тысячи духовно-нравственныхъ міровъ и своими благотворно-живительными лучами во все проникаетъ, все и всѣхъ животворитъ; „воскресеніемъ Твоимъ всяческая обогатилъ еси“ взываетъ св. церковь (Октоихъ 5 гл. служ. нед. на хвал.); „вся исполнишася свѣта—небо же и земля и преисподняя“ (Кан. на Пасху 3 п.). Въ преславномъ воскресеніи Христовомъ заключается все значеніе Христіанства, вся сущность его и разгадка таинственности и нашей жезни и нашей вѣры; оно составляетъ корень фундаментъ послѣдней, составляетъ, что называется, жизнь, душу ея. „Аще Христосъ не воста, говоритъ Апостолъ Павелъ, тще убо проповѣданіе ваше, тща же и вѣра ваша; аще же Христосъ не воста, суетна вѣра ваша“ (1 Корѳ. XV, 14 — 17). Безъ воскресенія Христова не было бы вѣры нашей, а безъ вѣры не было бы истинной жизни, ибо вѣра наша—это мы, наше существо, жизнь, душа „ибо вы умерли, говоритъ апостолъ, и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ... Христосъ жизнь ваша“ (Колос. III, 3). Очень естестенно поэтому и понятно, что если-бъ „Христосъ—жизнь наша“ не ожилъ, то и мы бы не получили жизни и во вѣкъ пребывали въ смерти. Воскресеніе Христово это наше воскресеніе, это день нашего всеобщаго возрожденія: „Днесъ спасеніе міру бысть“ (Воскр. троп.). Безъ воскресенія Христова и безъ вѣры, зависящей отъ него и приносящей намъ жизнь, мы были бы тѣ сухія кости, что видѣлъ пр. Іезекіиль, когда на немъ была рука Господня. „Господь вывелъ меня духомъ, говоритъ пророкъ, и поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей, и обвелъ меня кругомъ, и вотъ весьма много ихъ на поверхности поля, и вотъ онѣ весьма сухи“ (Іезек. XXXVII, 1—2). Если бъ Христосъ не явился и не воскресъ, то эти кости такъ и остались бы во вѣкъ „весьма сухи“, и мы, умершіе въ Адамѣ, не ожили бы и не воскресли, какъ въ этой жизни отъ грѣховъ, такъ и послѣ смерти и при второмъ пришествіи. И вѣчно бы было мрачно и скучно на этой землѣ, въ этой „юдоли плача“... Но вотъ—явился Христосъ! Онъ воплотился, жилъ на землѣ, училъ, страдалъ и умеръ... Если бы Христосъ только умеръ и не воскресъ, то еще мрачнѣе стало бы среди поля, полнаго костей человѣческихъ. Но, чудо изъ чудесъ! Христосъ воскресъ! И жизнь открылась; она озарилась „неприступнымъ свѣтомъ Христа блистающася“ (Пасх. к. 1 п.) и вся исполнишася свѣта — небо же и земля и преисподняя“ (Пасх. кан.); свѣтъ этой жизни возсіялъ и надъ полемъ съ костями человѣческими! и „произошелъ шумъ, говоритъ пророкъ, и вотъ движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ, жилы были на нихъ и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху.... и вошелъ въ нихъ духъ, и онѣ ожили, и стали на ноги свои—весьма, весьма великое полчище“. (Іезек. XXXVII, 7. 8. 10). Воскресъ Христосъ, и кости ожили, и совоскресъ „всеродный Адамъ“! (Пасх. кан. 6 п.). Воскресъ Христосъ, начатокъ умершимъ, и мы, умершіе въ Адамѣ, ожили, возстали и паки воскреснемъ и явимся лицу Божію, для уподобленія Ему, для соединенія, для жизни и блаженства съ Нимъ, а это и есть завѣтная цѣль наша, вѣчная жизнь и Богообщеніе! Воскресъ Христосъ и вѣра наша не суетна; не напрасна теперь и жизнь наша, и смерть. Воскресеніемъ своимъ мы явимся въ такомъ же ореолѣ славы Отчей, какъ и Христосъ (Колос. III, 3), въ „Немъ же утверждаемся“ (Пасх. кан. 2 п.), тогда праведницы просіяютъ, какъ солнце, въ царствіи Отца. „Аще сообразни быхомъ подобію смерти Его, говоритъ Апостолъ, то и воскресенію Его“ (Рим. VI, 5); „ибо, если будучи врагами, мы примирились, спасемся жизнію (воскресеніемъ) Его“. (Рим. V, 10). „Съ Нимъ страждемъ, да съ нимъ и прославимся“. (Рим. VIII, 17)... Какую глубину, широту и безпредѣльную высоту величайшихъ чудесъ Божіихъ открываетъ событіе воскресенія Христова. „Господи! веліе и страшно есть Твоего воскресенія таинство“ (Октоихъ 6 гл. служ. нед. на хвал.)! Какого глубокаго смысла полны и достославныя, побѣдоносныя слава: „Христосъ воскресе“! Съ ними тѣсно соединена, связана наша вѣра, спасеніе, наша жизнь; онѣ составляютъ часть нашей жизни; нѣтъ — самую жизнь. Вотъ потому то онѣ не отъемлемы отъ насъ, хоть проживемъ не двѣ, а двадцать тысячъ лѣтъ; онѣ дороги нашему сердцу! Вотъ потому то онѣ и имѣютъ неотразимую силу обаятельно дѣйствовать на насъ, и мы всегда съ трепетомъ и великою радостію встрѣчаемъ и переживаемъ радостнѣйшее райское благовѣстіе: „Христосъ воскресе“. Не смотря на ежегодно повторяющееся торжество, мы не можемъ равнодушно выносить той обаятельной силы, которую приносятъ собою небесныя слова, и при одномъ звукѣ „Христосъ воскресе“ мы перерождаемся духовно, воскресаемъ нравственно.

Вотъ страстная седмица, вотъ и великая пятница. Печальный звонъ, печальная служба, печальный выносъ плащаницы. Все это вызываетъ въ нашей душѣ грустныя всспоминанія, нерадостныя картины изъ жизни Господа нашего Іисуса Христа. Не смотря на то, что давно уже это происходило, что мы далеко ушли по исторической дорогѣ отъ этихъ событій, однако переживаешь ихъ такъ же живо, какъ бы и сейчасъ они происходятъ. Какъ сейчасъ видишь осужденнаго Христа! Вотъ онъ невинный Страдалецъ! Онъ идетъ на смерть по улицѣ Іерусалима, за Іерусалимъ, на Галгоѳу; за нимъ несмѣтная толпа и въ этой толпѣ надрывающаяся скорбію Богоматерь, болѣзненно рыдающая. Сколько горя, невыразимой тоски у ней! Цѣлое море скорбей переживаетъ нѣжное материнское сердце. Мысленно и ты идешь въ этой толпѣ и сострадаешь и томишься, взирая на удручающую картину, на изможденнаго Страдальца, падающаго подъ тяжестью креста. Глядишь, но тутъ же видишь и скорбный взоръ Спасителя, и слышишь справедливое: „не плачьте о мнѣ, но плачьте о себѣ и о своихъ дѣтяхъ"!.. Боже мой, какой глубокій укоръ! какая истинная правда, изобличающая наше ложное душевное настроеніе. Сѣтуешь, скорбишь о невинномъ Страдальцѣ, а между тѣмъ самъ же виновникъ Его мученій и дѣйствительная причина Его тяжкихъ страданій. Вѣдь въ Адамѣ, чрезъ Адама и сами мы лично всѣ согрѣшили и „отчуждены отъ жизни Божіей" (Ефес. II, 12; IV, 18) „лишены были славы Его (Рим. III, 23; V, 12); „были чадами гнѣва Божія (Ефес. II, 3), но „Богъ Сына своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ, за грѣхи наши предалъ есть Его" (Рим. VIII, 32; IV, 25) и Христосъ искупилъ ны есть отъ клятвы законныя, бывъ по насъ клятва (Галат. III, 13), „принесъ Себя въ жертву, чтобы подъять грѣхи многихъ" (Евр. IX, 28). Стало быть и я, и ты, и всѣ мы, и грядущія поколѣнія—дѣти наши дѣйствительно участвовали, кричали съ толпою — „распни, распни Его", и, къ нашему ужасу, мы и сейчасъ дѣйствительно участвуемъ своими грѣхами и еще съ большею силою, дополняя тѣмъ мѣру отцовъ нашихъ, усугубляя тяжкія страданія ни въ чемъ неповиннаго Богочеловѣка и эти материнскія жгучія слезы Пресвятой Дѣвы Маріи!... Все это навѣваетъ и усиливаетъ глубокую скорбь, сжимаетъ сердце и вызываетъ слезы.... Великій Страдалецъ на Голгоѳѣ; тутъ же орудія пытки: крестъ, гвозди, молотъ. Глядишь, и какое ожесточеніе! Изможденнаго Христа кладутъ на крестъ; берутъ гвозди, молотъ . . . . . и какое смертоубійство! живаго человѣка пригвождаютъ къ кресту; вбиваютъ гвозди въ одну руку, въ другую, въ ноги.... брызнула кровь изъ прободенныхъ мѣстъ, она заструилась и обагрила крестъ. Крестъ подымаютъ и вкапываютъ въ землю, и вотъ: живой человѣкъ виситъ, и мучится, и страдаетъ!.. Что должно перечувствовать въ это время материнское сердце!? „Утробою уязвляюся и лютое сердце мое проходитъ оружіе" плачущи вопіяла Богоматерь. Боже мой, какъ тяжело. Тяжело видѣть Христа „на крестѣ висима" и Богоматерь у этого креста терзающуся горцѣ. Невольно поддаешься состраданію и сочувствію, но вспомнишь: „плачьте о себѣ и о своихъ дѣтяхъ"; вспомнишь, что „Той язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наша" (Ис.) что „Христосъ заклался и умре грѣхъ ради нашихъ" (1 Коринѳ. XV, 3; Апок. V, 9), что потому всѣ мы и каждый изъ насъ есть причастникъ и причина всѣхъ потрясающихъ событій и тѣхъ тяжелыхъ минутъ, когда Христосъ томился на крестѣ, изнемогалъ, изливался кровію, когда, наконецъ, произнесъ: „Совершилось"!.. и умеръ . . . вспомнилось все это и, сердце невольно и невольно содрогается страхомъ и ужасомъ... „Да молчитъ всяка плоть человѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ"!...

Вотъ и великая суббота. На душѣ еще сумрачнѣй становится. Кажется, ничто уже не можетъ настроить насъ на пасхальный радостный тонъ. Невольно думаешь: неужели же такъ-таки и не вернется то трепетно радостное состояніе, которое охватываетъ все наше существо, которое держитъ васъ въ какомъ то сладостномъ упоеніи. Его нѣтъ на душѣ, въ скорбномъ сердцѣ и уже сомнѣваешься когда либо испытать и пережить снова сладостное чувство, забывая увѣреніе Христа Спасителя: „вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никто же возметъ отъ васъ" (Іоан. XVI, 22). Но кто же отвалитъ намъ камень отъ дверей гроба (Марк. XII, 2—3), тяжелый камень отъ сердца нашего. Становится на душѣ какъ то пусто и жутко...

Приближается досточудная пасхальная ночь „воистину священная и всепраздественная, сія спасительная нощь". (Пасх. кан. 7 п.). Вотъ и полночь; минута и раздался гулъ колокола; за нимъ—другой, третій... Онъ чаще, сильнѣй, торжественнѣй сталъ раздаваться въ ночной тишинѣ; эхомъ отдается онъ въ воздухѣ и разноситъ во всѣ концы благую вѣсть. Какой то трепетъ овладѣваетъ вами и наполняетъ все существо. Народъ очнулся какъ бы отъ давящаго кошмара; засуетился, заволновался и заспѣшилъ на радостный благовѣстный зовъ. Народъ „еще сущей тьмѣ" „яко жены съ мvромъ богомудрыя вслѣдъ Христа течаху, Его же яко мертва со слезами искаху" (Пасха кан. 7 п.); какъ жены мvроносицы, онъ замелькалъ въ ночной темнотѣ, поспѣшая къ одному мѣсту, торопясь къ завѣтному гробу, гробу Жизнодавца, чтобы „вмѣсто мvра пѣснь принести Владыцѣ". (Пасх. кан. 5 п.). Всѣ спѣшатъ въ храмъ, въ эту погребальную пещеру, горя нетерпѣніемъ скорѣе узрѣть воскресшаго Христа, увидѣть ангела, сѣдяща на камени: услышать сладостное: „не бойтесь"! „Христосъ воскресъ"!.. „Радуйтесь"!.....

Въ храмѣ раздается уже тихо—унылая церковная пѣснь: „Не рыдай Мене Мати, зряще во гробѣ; востану бо и прославлюся"... Съ сердца, словно камень, спадетъ печаль и въ душѣ разливается какая то тихая, мирная грусть; не удручающая, но пріятная.—Плащаница уносится, тѣла Господня нѣтъ уже во гробѣ. Немного времени и въ алтарѣ, на этомъ второмъ небѣ, слышится: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе, Ангели поютъ на небеси"... Въ благоговѣйномъ трепетѣ народъ направляется къ выходу изъ храма, изъ этой пещеры, гдѣ только что лежало тѣло Іисусова. Народъ знаетъ, что тѣла Іисусова нѣтъ, что Христосъ воскресъ, но онъ, какъ бы не довѣряетъ извѣстію ангела, онъ желаетъ самъ знать, видѣть Воскресшаго и тѣмъ доподлинно увѣриться въ Его воскресеніи, какъ тѣ мужи и жены, о которыхъ повѣствуетъ Евангеліе. „Марія Магдалина, читаемъ мы, пріиде заутра, еще сущей тьмѣ на гробъ: и видѣ камень взявъ отъ гроба, тече убо;" мvроносицы жены „зѣло заутра, пришедши помазать тѣло Іисуса, ужаснулись, увидя ангела во гробѣ, и узнавъ, что Христосъ воскресъ, вышедши побѣжали отъ гроба; ихъ объялъ трепетъ и ужасъ" (Марк. XVI, 8) и апостолы „идоста же паки къ себѣ" (Іоан. XX) отъ гроба: и до тѣхъ поръ не успокоились, пока не увидѣли Са-

мого Воскресшаго; не повѣрили, пока наконецъ не явился Христосъ самимъ ученикамъ (Марк. XVI, 14). Такъ и народъ, узнавъ, что нѣтъ тѣла Іисусова „тече убо" изъ храма и въ трепетномъ настроеніи молитъ и проситъ нелицемѣрнаго раздаятеля любвеобильнаго Отца небеснаго, показать воскресеніе и сподобить славить Воскресшаго; „тече убо", желая встрѣтить самого Господа и услышать отъ Него радостное: „Радуйтесь"!... Въ храмѣ водворяется тишина, а внѣ его уже встрѣченъ Воскресшій, уже услышано: „радуйтесь", и гласъ народа и звонъ колоколовъ сливаются вмѣстѣ, небо и земля и вся природа уже торжествуютъ, ликуютъ „побѣдную поюще". Шествіе снова предъ дверьми храма. Все вдругъ на мгновеніе замолкло, и всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ и съ трепетнымъ сердцемъ ждутъ чего-то... И вдругъ—раздается и доносится до васъ и до всѣхъ вождѣленное: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ"... Сердце встрепенулось, задрожало, забилось; что то особенное, какое то непонятное чувство охватило его и наполнило все существо; благодатная искра вдругъ вспыхнула, возгорѣлась въ сердцѣ, тогда хочется и плакать и радоваться. Лики подхватили „Христосъ воскресе", оно раздалось подъ сводами храма, эхомъ вырвалось наружу, тамъ подхватили колокола и раздалось далеко—далеко въ воздухѣ по поднебесью... Распахнулись двери храма и всѣ узрѣли „изъ гроба, яко жениха происходяща Христа блистающася" (Пасх. кан. 1 п.); всѣхъ обдало и свѣтомъ, и благоуханіемъ, и торжествомъ; всѣмъ послышалось: „Радуйтесь! Пріидите наслаждайтесь и радуйтесь"!... Отъ напора небесной радости люди словно воскресли, всѣ поддались торжеству. Всѣ и все смѣшалось въ ликованіе, слилось въ одно торжество, во всеобщее веселье, только и слышно; „Христосъ воскресе! Христосъ воскресе! Христосъ воскресе!... И Боже мой! Сколько посѣтитъ тогда благодатныхъ, спасительныхъ думъ: сколько вылетитъ тогда у каждаго изъ груди, изъ глубины сердца благодарныхъ и возвышенныхъ чувствъ! На время забывается тогда и самая гнетущая скорбь, и жизненныя невзгоды и тягостное жизненное бремя. Тутъ то опытомъ дознаешь дѣйствительность словъ сладчайшаго Спасителя: „паки узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никто же возметъ отъ васъ". (Іоан. XVI, 22). „О Божественнаго! О любезнаго! О сладчайшаго Твоего гласа! съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка Христе; Его же, вѣрніи, утвержденіе надежди имуще, радуемся"... (Пасх. кан. 9 п.).

Служба идетъ; чудное торжество съ переливами „Христосъ воскресе" продолжается, оно превратилось въ одинъ радостный гимнъ, и ты находишься въ какомъ то восторженномъ самозабвеніи, переживаешь сладостнѣйшія минуты божественнаго восторга. Тогда не мѣсто и не время какимъ либо разглагольствованіямъ, какимъ либо неутѣшнымъ слезамъ, скорбямъ, сѣтованіямъ. Одна только слеза радости готова скатиться съ глазъ. Свѣтлое торжество, святое веселье совершенно не даютъ недостойнымъ мыслямъ и чувствамъ овладѣть нами, отнять отъ насъ божественную радость „никто же радости вашея возметъ отъ васъ" (Іоан. XVI, 22).

Охваченный благодатною радостью отъ бездны богатства, въ изобиліи дарованнаго намъ Господомъ, начнешь напримѣръ, вдумываться въ свое положеніе: гдѣ и что я былъ прежде, и какъ я превознесенъ теперь Христомъ! Какъ я изъ осужденнаго сдѣлался оправданнымъ, изъ чадъ гнѣва и проклятія сдѣлался любезнымъ Богу, изъ раба діавола—рабомъ Божіимъ, сыномъ, другомъ Его! Начнешь „уразумѣвать превосходящую разумѣніе любовь Христову" (Ефес. III, 19), который „врага суща мя зѣло возлюбилъ... послѣдняго моего досажденія не отвергся... и прежде безчествованнаго прославилъ" (Октоихъ 8 гл. служ. нед. кан. 4 п.); начнешь удивляться „благодати открывшейся нынѣ явленіемъ Спасителя нашего Іисуса Христа, разрушившаго смерть и явившаго жизнь и нетлѣніе (2 Тим. 1, 10). и станешь смущаться сердцемъ, видя свою теперешнюю худость свое несоотвѣтствіе дарованному; приступитъ духъ унынія и сожалѣнія о томъ, что не старался достигнуть Христа, какъ Онъ меня достигъ (Филип. III, 8—10), что ты потому далеко недостоинъ благодатнаго пира по своей грѣховности, недостоинъ пользоваться „богатствомъ благодати, юже преумножилъ есть въ насъ во всякой премудрости и разумѣ по благоволенію своему (Ефес. 1, 3) и которую „пріяхомъ благодать возблагодать (Іоан. 1, 16),—но только что начнешь задумываться надъ этимъ и, увлекаясь отвлекаться отъ торжества, какъ тутъ же волна за волною ободряющія пасхальныя пѣсни! онѣ совершенно не даютъ тебѣ окончательно увлечься и отдаться нашедшимъ неумѣстнымъ думамъ. Только что навернутся думы, какъ тутъ же раздается: „Христосъ воскресе"! „Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя.—Да празднуетъ убо вся тварь возстаніе Христово" (Пасх, к. 3 п.). „Небеса убо достойно да веселятся, земля же радуется; да празднуетъ же міръ видимый весь и невидимый"; „Яко единолѣтній Агнецъ, благословенный намъ вѣнецъ Христосъ волею за всѣхъ закланъ бысть, пасха чистительная, и паки изъ гроба красное правды намъ возсія солнце" (4 п.). „Христосъ новая пасха, жертва живая Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра" (Прип. 9 п.). „Приступимъ свѣщеносніи исходящу Христу изъ гроба яко жениху и спразднуемъ любопраздственными чинми пасху Божію спасительную" (п. к. 5 п.)... Слышишь и печаль о грѣхахъ, какъ черная тучка, проносится, а въ душѣ снова водворяется радость и попрежнему ярко свѣтитъ въ ней торжество Церкви. „Никто же да плачетъ, взываетъ она, прегрѣшеній ради, прощеніе бо отъ гроба возсія. Внидите вси въ радость Господа своего, возвеселитеся днесь"! Рано или поздно кто вздумаетъ, иди, не-сомнѣвайся; пиршествуй, наслаждайся торжества. „Аще кто отъ перваго часа дѣлалъ, да пріиметъ праведный долгъ; аще кто по третіемъ часѣ пріидѣ, благодаря да празднуетъ; аще кто по шестомъ часѣ достиже, ничто же да сумнится; аще кто лишится и девятаго часа, да приступитъ, ничтоже сумняся, ничтоже боя- ся; аще кто точію достиже и во единонадесятый, часъ, да не-устрашится замедленія... внидите вси въ радость Господа своего и первіи и второи, воздержницы и лѣнивіи, день почтите; постившіеся и непостившіеся, возвеселитеся! Трапеза исполнена, насладитеся вси; телецъ упитанный; никто же да изыдетъ алчай: вси насладитеся пира вѣры, вси воспріимите богатство благости"!... (Слово оглас. I. Злат.).

Промелькнутъ тогда въ мысляхъ нерадостныя, скорбныя событія въ нашей жизни: потеря родныхъ, смерть дорогихъ намъ лицъ, друзей, близкихъ знакомыхъ; бурею пронесется въ нашемъ сердцѣ скорбь и разныя невзгоды, но,.. о, чудо! Вполнѣ ничто не овладѣваетъ нами, ничто не отымаетъ радости отъ насъ; и самыя глубокопоражающія скорби не раздираютъ насъ, а превращаются въ тихо-

радостную грусть. „О, пасха избавленіе скорби, ибо изъ гроба днесь, яко отъ чертога возсія Христосъ“ (Стих. пасх.). Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи, утѣшаяй насъ о всякой скорби нашей“ (2 Корѳ. 1, 3—4). Одна за одною утѣшительныя пѣсни врачуютъ, услаждаютъ, нѣжатъ душу, только вѣруй, не сомнѣвайся. „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ; смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ“. „Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало играюще поемъ виновнаго единаго, благословеннаго Отцевъ Бога и препрославленнаго“ (Пасх. к. 7 п.). „Днесь Владыка плѣни ада, воздвигнувый юзники, яже отъ вѣка имѣяше люте одержимыя“ (Прип. 9 п.). „Воскресе Христосъ, восклицаетъ Церковь, и жизнь жительствуетъ. Воскресе Христосъ, и мертвый ни единъ во гробѣ: Христосъ бо воста отъ мертвыхъ начатокъ умершимъ“ (Оглас. слово І. Злат.).

Попробуешь, такимъ образомъ, подумать, остановиться на чемъ нибудь, но торжествующая Церковь не допускаетъ развлекаться недоумѣніями или сомнѣніями, и невольно увлекаетъ въ свое небесное веселье,—и ты, чуждый всякихъ житейскихъ попеченій, стоишь и умиляешься упоенный необыкновенною сладостью. „О пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте, и слове Божіей и сило“!... А церковь? Церковь все продолжаетъ пѣть, нѣжитъ и тѣмъ хочетъ поставить каждаго на высшую ступень душевной радости. „Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же міръ, видимый же весь и невидимый; Христосъ бо воста веселіе вѣчно“ (Пасх. к. 1 п.). „Богоотецъ убо Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ скакаше играя; людіе же Божіи святіи образовъ сбытіе зряще, веселимся божественнѣ, яко воскресе Христосъ, яко всесиленъ“ (П. 4). Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме! Ликуй нынѣ и веселися Сіонѣ! (9 п.)... Ничто уже тутъ не развлекаетъ, не овладѣваетъ съ прежней силой, все поддается Побѣдителю ада. Всякая злоба, ненависть, вражда смягчаются, теряютъ силу и совсѣмъ порой уничтожаются. Да и можетъ ли устоять злоба въ прежней своей силѣ, можетъ ли грубое не смягчиться, когда услышитъ съ нѣжнопаскающими звуками церковную пѣснь: „Воскресенія день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ; рцемъ: братіе, и ненавидящимъ насъ, простимъ вся воскресеніемъ и тако возопіимъ: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“?... можетъ ли устоять хоть какой злобный, когда услышитъ и на самомъ дѣлѣ увидитъ, что всѣ „радующеся преестественнѣ“ подходятъ другъ къ другу и лобызаются, и цѣлуются, „радость образующе, ею же естество наше милосердія милости Божія обогатися, такожде и вражды разрушеніе и еже съ Богомъ соединеніе и съ самими Ангелы показующе“ (Синакс.); когда увидитъ кругомъ и миръ, и радость, и братство!...

Преславный праздникъ Пасхи! Еще преславнѣе слова: „Христосъ воскресе“, наполняющія его, дающія ему силу и все значеніе. Досточудныя слова! Сколько ни говори, ни углубляйся, а все не исчерпаешь всего смысла, всей глубины таинственной силы божественныхъ словъ; сколько не повторяй, а не извѣдаешь всей сладости, высшаго духовнаго наслажденія, которое онѣ приносятъ съ собой, распространяютъ во всемъ мірѣ, вливаютъ въ сердце людей. Казалось бы, что безпрерывно повторяемое: „Христосъ воскресе“, должно прискучить, надоѣсть, потерять обаятельную силу, но нѣтъ! Говоришь, поешь и хочется говорить и пѣть; вотъ такъ бы и не отрывался отъ невыразимо-пріятнаго „Христосъ воскресе“! Безсчетно говоришь ихъ, повторяешь то тихо, то громко; то медленно, то скоро; стараешься обнять умомъ, постигнуть всѣмъ помышленіемъ, желаешь всѣмъ сердцемъ прочувствовать всю силу ихъ значенія,—но, какъ говоритъ св. Григорій Богословъ: „Слово о Богѣ чѣмъ совершеннѣе, тѣмъ непостижимѣе“ (Цвѣтн. Духовн. 1 ч. 3 изд. 89 г. 25 стр.); или какъ пишетъ Апостолъ: „Божія никтоже вѣсть, точію Духъ Божій, вся испытующій и глубины Божія“ (1 Корѳ. II, 10). Не наскучаютъ слова „Христосъ воскресе“, напротивъ, при одной мысли становится грустно, что повтореніе ихъ сокращается, что оно прекратится, и снова улетятъ слова туда, откуда прилетѣли: на небо, къ ангеламъ. Дѣйствительно, слова эти ангельскія, небесныя, божественныя и преисполненныя благодатной силы; онѣ не выдуманныя, а дѣйствительныя, ибо заключаютъ дѣйствительную исторію изъ жизни Іисуса Христа, славное событіе, повліявшее на все и на всѣхъ; и, возвѣщая собой совершившіяся славныя дѣла и имѣющіяся совершиться, порождаютъ цѣлый рой радостнѣйшихъ чувствъ въ человѣкѣ и приносятъ свѣтлый лучъ на нашу землю, въ нашу мрачную жизнь. Праздникъ Пасхи со всѣми его особенностями дѣйствительно особенный праздникъ; это поистинѣ „праздниковъ праздникъ и торжество есть торжествъ“ (Пасх. кан. 8 п.), это тотъ „день, его же сотвори Господь“. Это благодатный маякъ, во тьмѣ свѣтящій на бурномъ житейскомъ морѣ; это красное солнце въ духовной жизни, подъ благодатными и благотворными лучами котораго сердца наши оживаютъ и мы воскресаемъ. Взгляните на острогъ! Даже заключенники чувствуютъ иначе, когда свѣтоносные лучи нашей пасхи упадутъ въ окна ихъ заключенія. Невольно и они при всей ихъ одичалости и однообразности преобразуются, смягчаются, подчасъ плачутъ при нахлынувшихъ праздничныхъ отголоскахъ незамѣнимой пасхи. А въ мірѣ, въ жизни что дѣлается?!. Радостное время! Какъ будто нѣтъ ни нужды, ни горя. куда ни пойдешь, кого не увидишь, всѣ какъ то благодушно настроены, всѣ торжествуютъ, веселятся. И этотъ цѣлодневный звонъ, праздничное убранство, красныя яйца, и это братское цѣлованіе и постоянно повторяющееся: „Христосъ воскресе!“—„Воистину воскресе“! сугубо усиливаютъ торжество, придавая особенный оттѣнокъ, особенную пріятность ему. Словно Самъ Воскресшій Христосъ Жизнодавецъ ходитъ среди людей, всѣхъ ободряетъ, всѣхъ утѣшаетъ, непрестанно повторяя: миръ вамъ!.. Азъ возлюбихъ васъ, яко-же возлюби Мя Отецъ.... Радуйтесь!.. (Матѳ). и паки реку: „радуйтесь“!... И всѣ радуются, всѣ ликуютъ „пасху хваляще вѣчную“.. (Пасх. к. 5 п.)... О, какъ бы хотѣлось подольше удержать у себя это время, это „веселіе вѣчное“, возможно дольше растянуть его! Какъ бы хотѣлось возможно дольше пробыть въ пасхальномъ настроеніи, когда на душѣ бываетъ такъ легко, свѣтло и радостно!.. Но вотъ—недѣля кончилась. Не успѣлъ пережить всего возвышеннаго, не успѣлъ насладиться сладчайшимъ гласомъ Церкви, какъ недѣля пасхи прошла и грустно прозвучалъ прощальный привѣтъ: „И намъ дарова животъ вѣчный; поклоняемся Его тридневному воскресенію“!... Торжество прекратилось; царскіе двери затворились, яркое сіяніе свѣта сокрылось.... И только отблески сего свѣта какъ лучъ вечерней зари, свѣтитъ всѣмъ, иже въ храминѣ суть.

„О, пасха веліе и священнѣйшая Христе! О мудросте, и славе Божій, и сило! Подавай намъ истѣе Тебѣ причащатися въ невечернемъ дни царствія Твоего“!...

[Ворон. еп. в.]

Священникъ *Іоаннъ Болховитиновъ*.

---

# Рѣчь

## К. П. Побѣдоносцева въ засѣданіи историческаго общества.

Въ четвергъ, 6 апрѣля, въ Аничковомъ Дворцѣ происходило подъ предсѣдательствомъ Государя Императора засѣданіе Императорскаго Историческаго Общества, основаннаго въ Бозѣ почившимъ Государемъ.

Спѣшимъ сообщить рѣчь, сказанную въ семъ засѣданіи К. П. Побѣдоносцевымъ:

Человѣкъ дѣлаетъ исторію; но столь же вѣрно, и еще болѣе значительно, что исторія образуетъ человѣка. Человѣкъ можетъ узнать и объяснить себя не иначе какъ всею своею исторіей. Духъ человѣческій, съ первой минуты бытія, неудержимо, непрерывно стремится всякую свою способность, всякую мысль, всякое ощущеніе выразить, воплотить въ дѣйствіи,—и вся эта энциклопедія событій и дѣйствій составляетъ жизнь человѣческую. Въ этомъ смыслѣ жизнь, составляя сцѣпленіе событій, связанныхъ между собой логическою связью причины и дѣйствія, въ то же время есть таинство души: есть событія въ жизни, которыя роковымъ, таинственнымъ образомъ дѣйствуютъ на чуткую душу, опредѣляя смремленія, волю, характеръ и всю судьбу человѣка.

Но человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа: кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, сыновъ того же народа, и его психическая природа есть ихъ природа, съ ея отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго исхода. У всякаго народа, какъ и у отдѣльнаго человѣка, есть своя исторія, своя сѣть событій и дѣйствій, въ которыхъ стремится воплотить себя душа народная. Въ исторической наукѣ пытливый умъ, критически изслѣдуя факты, дѣйствія и характеры, желаетъ опредѣлить точную довѣренность ихъ и уловить взаимную ихъ связь и внутреннее значеніе въ судьбахъ общественной и государственной жизни народа. Съ глубокимъ интересомъ, съ наслажденіемъ, съ удивленіемъ читаемъ мы страницы этой книги, восхищаясь остротой критическаго ума, искусствомъ художника; по старинному выраженію, исторія учительница народовъ, гражданъ и правителей,—но кому изъ нихъ пошли въ прокъ ея уроки? Кто, закрывая книгу, овладѣвшую всѣмъ его вниманіемъ, не ощущалъ въ душѣ горькаго сознанія, что предъ нимъ открывалась старая, какъ міръ, лѣтопись человѣческой гордости, эгоизма, жестокости и невѣжества, свитокъ въ которомъ написаны „жалость и рыданіе и горе“?

Въ иномъ, болѣе глубокомъ, смыслѣ, исторія земли и народа *образуетъ* человѣка, сына земли своей, если у него душа чуткая. Чуткая душа вноситъ въ исторію свое живое чувство, и тогда всякій фактъ, всякій характеръ въ исторіи отвѣчаетъ на то, чему душа вѣритъ, что умъ въ состояніи обнять, такъ что своя духовная жизнь становится для человѣка текстомъ, а лѣтопись исторіи—комментаріемъ къ нему. Въ этомъ свѣтѣ событія открываютъ ему свое таинственное значеніе, и мертвая лѣтопись оживляется поэзіей духовной жизни цѣлаго народа. Иное, въ чемъ наука, анализируя факты и свидѣтельства о нихъ, видитъ одну легенду, сложившуюся въ народномъ представленіи,—то самое получаетъ смыслъ явленія, оправдавшаго себя въ жизни и въ исторіи, становится истиной для духа. Чего бы ни достигъ разлагающій анализъ ученаго историка въ изслѣдованіи сказаній о Владимірѣ, о Димитріи, о Сергіи, объ Александрѣ Невскомъ,—для чуткой души это явленіе, этотъ образъ становится созвѣздіемъ, проливающимъ на нее лучи свои, совершающимъ надъ нею свое теченіе въ тверди небесной.

Мнѣ представляется, что такъ образовалась душа почившаго, незабвеннаго Государя, котораго память собрались мы нынѣ чествовать въ Обществѣ, Имъ основанномъ. Душа Его была чуткая въ отзывчивости ко всему, въ чемъ сказывалась ей природа Своей земли и Своего народа.

Онъ выросъ возлѣ старшаго брата, наслѣдника престола, можно сказать *въ тѣни его*, питая свою душу дружбой съ нимъ, воспринимая отъ него впечатлѣнія и вкусы его умственнаго и нравственнаго развитія. То были годы безпорядочнаго броженія умовъ въ наукѣ, въ литературѣ и въ обществѣ, но близъ Цесаревича стояли люди, которые способны были привлечь его вниманіе къ явленіямъ русской жизни, къ сокровищамъ духа народнаго и въ исторіи народа и въ его литературѣ. Таковы были Ѳ. И. Буслаевъ и С. М. Соловьевъ. Подъ вліяніемъ ихъ образовались вкусы обоихъ братьевъ и интересъ ихъ къ русской старинѣ. Въ поѣздкахъ своихъ по Россіи, изо дня въ день одушевляемый встрѣчавшимъ его повсюду народнымъ движеніемъ, Цесаревичъ успѣлъ узнать и полюбить народъ свой и прослѣдить ходъ его исторіи на памятникахъ древности, успѣлъ узнать и полюбить природу коренного русскаго края, столь сродную русскому духу. Душа его росла и крѣпла на родной почвѣ, въ родной атмосферѣ, и въ письмахъ къ любимому Брату Онъ передавалъ ему свои ощущенія.

Насталъ 1865 годъ, Онъ принесъ Россіи страшное горе—Богу угодно было отнять у Россіи свѣтлую ея надежду. Цесаревичъ Николай Александровичъ скончался—и оставилъ грядущія судьбы Россіи въ наслѣдство возлюбленному Брату, передавъ Ему и всѣ завѣты юной души своей.

Нежданное, негаданное бремя легло на душу новаго Цесаревича, и онъ принялъ его въ смиреніи, какъ долгъ, возложенный на него Провидѣніемъ, принялъ и въ глубинѣ души своей *повѣрилъ Богу* судьбу свою и Россіи. Нынѣ и Его, по волѣ Божіей, оплакивая, мы видимъ, чувствуемъ какъ до конца оправдалась эта вѣра.

Съ этого дня, до вступленія на престолъ въ 1881 году, Онъ зрѣлъ въ тишинѣ, не думая, не гадая о томъ страшномъ часѣ, которымъ ознаменовалось вступленіе его на царство. Эти годы были для него поистинѣ годами воспитанія, и оно совершалось въ духѣ историческихъ завѣтовъ народа Русскаго и Русскаго государства. Еще въ дѣтствѣ любимымъ его чтеніемъ были историческіе романы Загоскина и Лажечникова, и въ Немъ, какъ во многихъ русскихъ дѣтяхъ, это чтеніе возбудило первое движеніе любви къ отечеству и національной гордости. Интересъ къ этому чтенію сохранилъ Онъ и въ юности, и въ послѣдующіе годы своей жизни. Бесѣды съ С. М. Соловьевымъ

открыли ему внутренній смыслъ русской исторіи и значеніе борьбы, которую вело собиравшее землю государство съ противогосударственными и противоязычными силами. Ему случалось сходиться съ умными русскими людьми, и Онъ любилъ слушать ихъ рѣчи о русской старинѣ и сужденія о дѣлахъ и событіяхъ новаго времени съ русской точки зрѣнія: такъ росла въ Немъ та чуткость къ русскимъ интересамъ, которая въ годы царствованія открылась намъ въ силѣ истинной государственной мудрости. Памятники русской старины, которые онъ изучалъ наглядно во время поѣздокъ по Россіи, были всегда для Него предметомъ особливаго интереса, и онъ ощущалъ тонко ту своеобразную красоту линій и украшеній, которою отличается типъ нашей старинной церковной архитектуры. Съ тѣхъ поръ требовалъ Онъ къ своему разсмотрѣнію всѣ проекты новыхъ церковныхъ сооруженій, и глазъ его съ удивительною вѣрностію различалъ все, что въ отдѣльнымъ частяхъ зданія нарушало цѣльную его гармонію или не согласовалось съ основнымъ типомъ. Въ душѣ Его отражался лучшими привлекательными чертами тотъ образъ великорусскаго человѣка, который привлекаетъ къ нему сочувствіе всѣхъ успѣвшихъ близко съ нимъ ознакомиться. И въ людяхъ, и въ учрежденіяхъ Ему было противно все искусственное, напускное и напыщенное; но простой человѣкъ, приближаясь къ Нему, чувствовалъ свое душевное сродство съ Русскимъ Государемъ.

И для отдѣльнаго человѣка, и для народа, и для общества—всю цѣну *исторіи* составляетъ *самосознаніе*. И отдѣльный человѣкъ, и народъ—представляемый властью—познаетъ себя въ своей исторіи. Поучительна исторія развитія этого самосознанія у насъ въ Россіи. Стоитъ сравнить въ этомъ отношеніи двѣ эпохи — начало и конецъ текущаго столѣтія, время двухъ Александровъ императоровъ—Александра I и Александра III. Первый Александръ тоже любилъ Россію и народъ свой,—но его воспитаніе не дало ему возможности узнать ни исторію страны своей, ни народъ свой. Онъ родился въ такое время, когда простой народъ слылъ подъ общимъ названіемъ *подлыхъ* людей, и сверху мало кто различалъ въ немъ обликъ достоинства; когда западная культура, перенесенная на русскую почву, выражалась лишь во внѣшнихъ формахъ чуждаго намъ быта, когда на самую Церковь смотрѣли сверху какъ на учрежденіе необходимое для народа, но уступающее въ достоинствѣ римскому культу просвѣщеннаго Запада. И умъ, и сердце неудержимо влекли молодого Государя къ возвышенной цѣли—править ко благу народному, водворить порядокъ въ хаосѣ учрежденій, искоренить злоупотребленія, разрѣшить стѣснительныя узы рабства и предразсудка. Но идеалъ, къ которому примѣнялись его стремленія и планы,—былъ не въ Россіи, а *внѣ ея*. Воспитанный Лагарпомъ въ духѣ отвлеченныхъ идей философіи XVIII столѣтія, изъ нихъ почерпалъ онъ отвлеченный идеалъ свой, а русская исторія, русская дѣйствительность была ему закрыта и представлялась чистымъ полемъ, на которомъ можно строить что угодно. Окруженный плеядой юныхъ совѣтниковъ, онъ заодно съ ними погружался въ мечтанія, не зная натуры народа и его потребностей, мечтая о представительномъ правленіи долженствовавшемъ будто бы водворить разумъ и правду въ правительствѣ,—не зная Церкви Православной въ ея народномъ значеніи,—мечталъ объ уравненіи съ нею всѣхъ вѣроисповѣданій и о безразличіи церквей и вѣроученій, мечталъ о возстановленіи Польши, не зная исторіи, которая сказала бы ему, что Царство Польское означаетъ рабство и угнетеніе для всего Русскаго народа.

Съ этого времени до вступленія на престолъ Императора Александра III протекло слишкомъ полстолѣтія. Въ этотъ періодъ времени трудно исчислить сколько сдѣлано успѣховъ, какъ выросло русское историческое самосознаніе,—и наиболѣе замѣтный ростъ его относится именно ко времени воспитанія и первой юности Цесаревича Александра Александровича. Открыто и обнародовано множество новыхъ памятниковъ, освѣтившихъ исторію народной жизни, явились молодые ученые съ самостоятельными взглядами на учрежденія и событія и характеры, въ литературѣ и въ обществѣ проснулся живой интересъ къ памятникамъ народнаго творчества въ пѣсняхъ, въ былинахъ, въ музыкѣ, въ архитектурѣ.

Въ Москвѣ собрался кружокъ культурно образованныхъ людей, одушевленныхъ мыслью о необходимости народнаго самопознанія въ изслѣдованіи прошедшихъ судебъ страны своей и своего народа; они явились въ обществѣ и въ литературѣ съ протестомъ противъ ложнаго отношенія къ русской жизни и ея потребностямъ, противъ самодовольнаго невѣжества и равнодушія ко всему, что касалось до самыхъ живыхъ интересовъ Россіи. Это были люди искавшіе въ прошедшемъ своей родины идеала для устройства будущихъ судебъ ея, и они первые сознательно выяснили передъ всѣми нераздѣльную связь русской народности съ вѣрой и съ Православною церковью. Независимо отъ крайностей ученія,—слово это было необходимо въ виду надвигавшейся съ Запада тучи космополитизма и либеральнаго доктринерства: вотъ почему дѣятельность этого кружка имѣла важное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Молодой Наслѣдникъ Цесаревичъ, рано ознакомившійся съ этимъ направленіемъ чрезъ А. Ѳ. Тютчева, не могъ не сочувствовать ему чуткимъ русскимъ сердцемъ любящимъ народъ свой и землю и жаждущимъ правды и прямого дѣла для земли своей.

Посреди такихъ явленій и воздѣйствій возросталъ и образовался будущій Императоръ. И вмѣстѣ съ тѣмъ выростала и укрѣплялась въ народѣ вѣра въ него, оправдавшаяся въ теченіе всего 13 лѣтняго Его царствованія. Для крѣпости правленія нѣтъ ничего важнѣе, нѣтъ ничего дороже вѣры народной въ своего правителя, ибо все держится *на вѣрѣ*. Что бы ни случилось,—всѣ знали и были увѣрены, на что, въ важныхъ случаяхъ государственной жизни, дастъ Онъ отрицательный и на что положительный отвѣтъ изъ своей русской души. Всѣ знали, что не уступитъ Онъ русскаго, исторіей завѣщаннаго, интереса ни на польской, ни на иныхъ окраинахъ инородческаго элемента, что глубоко хранитъ Онъ въ душѣ своей одну съ народомъ вѣру и любовь къ Церкви Православной, понимая все ея воспитательное значеніе для народа,—наконецъ, что заодно съ народомъ вѣруетъ Онъ въ непоколебимое значеніе власти Самодержавной въ Россіи, и не допуститъ для нея, въ призракѣ свободы, гибельнаго смѣшенія языковъ и мнѣній.

Когда мы теряемъ ближняго, любимаго человѣка, мы не думаемъ спрашивать: *что онъ сдѣлалъ*, — мы только ощущаемъ *чѣмъ онъ былъ*,—и для насъ всего дороже, всего ощутительнѣе живой его образъ, со всею окружавшею его нравственною атмосферой, все что отъ него исходило къ намъ и держало въ насъ ту гармонію жизни, которую,

съ кончиной его, мы утратили. И кажется въ эту минуту —его нѣтъ—какъ намъ жить безъ него? Такимъ-то чувствомъ дрогнулъ весь народъ Русскій, пораженный вѣстью, что отошелъ отъ насъ Царь Александръ III. Душа народная слилась съ Его душой и, утративъ Его, сама растерялась. Чувство это живо и понынѣ. Кто хочетъ уловить его, и ощутить его, и слиться съ нимъ—пусть идетъ въ Петропавловскій соборъ и на эту орошенную слезами могилу—и увидитъ, какъ и нынѣ, и завтра наполняетъ его, торжественно, съ утра до вечера, тихою молитвой, безконечная толпа народная, стекающаяся къ этой могилѣ со всѣхъ концовъ Россіи.

## Какъ уничтожаются православно-русскія древности въ нашемъ краѣ.

Въ Дисненскомъ у., Виленской губ., въ 39 в. отъ г. Дисны и въ 270 в. отъ Вильны, при большомъ озерѣ, расположено мѣстечко Міоры (Міры, Миры, Меры, Мѣры). Саженяхъ въ 200 отъ мѣстечка находится католическій костелъ. Весьма интересна исторія этого костела.

Міры въ началѣ XVII в. были во владѣніи Святополкъ-Мирскихъ, которые ведутъ свой родъ отъ князя тверского Андрея. Въ то время Мирскіе исповѣдывали православную вѣру. Особенною ревностію къ православію отличался Севастіанъ Мирскій, судья земскій браславскій; онъ, въ самый разгоръ гоненій на православныхъ, возстановилъ, между прочимъ, витебскій Марковъ и полоцкій Богоявленскій монастыри. Этотъ-же Севастіанъ Мирскій въ 1644 г. основалъ въ „Мирахъ“ православный монастырь Въ „фундушевой записи на церковь и монастырь Мирскій“ говорится: „Прежде всего я (Севастіанъ Мирскій) построилъ и основалъ нѣсколько церквей..., а теперь основалъ м-рь въ моемъ имѣніи Мирахъ. Желая, чтобы этотъ монастырь былъ снабженъ достаточными средствами для безбѣднаго содержанія при немъ достойныхъ, способныхъ и благочестивыхъ иноковъ, которые обязаны будутъ совершать въ немъ молитвы и всякое богослуженіе, установленное *восточною церковью*, сею добровольною моею записью отдаю, дарую и безвозвратно фундую и отписываю имѣніе мое Лещиловичи, въ полоцкомъ воеводствѣ.... Кромѣ того, въ им. Мирахъ, гдѣ основываю этотъ монастырь, во владѣніе и власть монастырю отдаю и симъ добровольнымъ моимъ письмомъ-записью дарую и отписываю на вѣчныя времена одну уволоку земли,—сдѣлавши прежде соглашеніе съ игуменомъ, исповѣдующимъ *нашу православную вѣру*, и съ монахами, въ братствѣ состоящими, истинно вѣрующими и исповѣдующими *древнюю греческую не уніатскую религію*, о томъ, чтобы этотъ основанный мною монастырь Мирскій снабженъ былъ достаточнымъ числомъ монаховъ и церковнослужителей... Предаю проклятію и призываю на судъ Божій всякаго, кто дерзнетъ нарушить сію волю мою“...

Скоро, очень скоро воля эта была нарушена, и нарушилъ ее сынъ Севастіана Михаилъ. Сохранился слѣдующій документъ 1691 года: „Протестовали и занесли слезную жалобу препод. о. Іовъ Молочко, игуменъ Кутеинскаго и Міорскаго м-рей, и всѣ монахи древней вѣры на его милость пана Михаила Мирскаго и на его высокопрепод. милость ксендза Стефана Домбковскаго, каноника инфлянтскаго, плебана друйскаго, бывшихъ въ одномъ заговорѣ и соумышленіи, о томъ, что оба они.... съ немалою толпою людей, вооруженныхъ разнымъ боевымъ оружіемъ, въ томъ числѣ и заряженными ружьями и пистолетами, 20 декабря 1690 г., внезапно напавъ на м-рь въ м. Міорахъ, произвели разныя насилія и безчинства, а именно: всѣхъ монаховъ и прислугу перевязали, ругали и били, а затѣмъ почти нагихъ прогнали изъ м-ря; разломавъ двери въ церкви и ворвавшись туда,, совершенно ее разграбили, захватили золото, серебро и всѣ пожертвованія и дары благочестивыхъ людей, между прочимъ, и богатые дары основателя м-ря, Севастьяна Мирскаго: церковную утварь, чаши, дискосы, кресты, книги, даже колокола съ колокольни поснимали.... Тѣла усопшихъ православныхъ, покоившіеся въ склепѣ, повыкидывали на поруганіе, а церковь обратили въ костелъ“ *)....

Въ меморіалѣ Петра Великаго, посланномъ королю и Рѣчи Посполитой въ 1720 году, упоминается, между прочимъ, и объ этомъ насиліи: „Предъ 25 годами приписной къ оршанскому Кутеинскому м-рю Міорскій м-рь насильно въ унію отъ тамошней околичной шляхты и ксендзовъ отняли и на плебанію имъ отдали, а монахи греческаго исповѣданія изъ онаго тогда жъ выбиты вонъ“...

Основываясь на несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствахъ о томъ, что Міорскій м-рь издревле православный и только позднѣе насильно обращенъ въ католическій костелъ, М. Н. Муравьевъ,—„славное имя котораго неразрывно связано съ лучшими вспоминаніями въ исторіи Западнаго края“,—сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ этого костела православному духовенству. Но вскорѣ, какъ извѣстно, наступили другія времена, и.... Міорскій костелъ и понынѣ въ рукахъ поляковъ.

Я „помянулъ дни древніе“ и поднялъ архивную пыль вовсе не для того, чтобы передать только эту, нѣкогда „обыкновенную“ въ нашемъ краѣ, исторію. Оказывается, что и теперь возможно нѣчто подобное.

Посѣтивъ Міоры въ августѣ 1894 года, я видѣлъ на колокольнѣ костела колоколъ съ слѣдующею славянскою надписью: „Року 1644 м-ца ноіабря 2 дніа тот звон ест наданы от мене Севастіана Мирскаго, суди земского браславского, до церкви пресвіатеи Троицы в маетности моеи на Мирахъ стоіачои с костелом римским не *в унии будучои*“ **).

Снимая эту надпись, я любовался великолѣпнымъ орнаментомъ на колоколѣ; трудно было оторваться отъ этого драгоцѣннаго памятника православія въ нашемъ краѣ. Но я любовался имъ послѣдній разъ: колокола болѣе не существуетъ!.. На дняхъ я узналъ, что вскорѣ послѣ моего посѣщенія Міоръ, колоколъ, какъ *негодный* (?!), отосланъ въ Варшаву и тамъ разбитъ Quousque tandem?!

*) По польскимъ свѣдѣніямъ, костелъ въ Міорахъ основанъ въ 1641 году Севастіаномъ Мирскимъ. Это, несомнѣнно, ошибка: возстановитель православныхъ м-рей витебскаго и полоцкаго въ 1636 году и фундаторъ православнаго же Міорскаго м-ря въ 1644 году не могъ быть основателемъ костеловъ 1641 г. Очевидно, временемъ появленія костела въ Міорахъ слѣдуетъ признать 1691 годъ, а основателемъ его слѣдуетъ считать Михаила Мирскаго, а не Севастіана.

**) Факсимиле этой драгоцѣнной надписи будетъ приложено къ „Историко-географич. описанію Дисненскаго и Вилейскаго уу. Виленской губ“. Описаніе выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

*А. Сапуновъ.*

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.

Дозволено цензурою.
Цензоръ Каѳедральный Протоіерей *Петръ Левицкій.*

Тип. Св.-Дух. Прав. братства, Зарѣчье, домъ братства.